

ГОИТ

Газета о нашей гимназии

13 ноября 2023 года № 6 (292) спецвыпуск

На сайте 1543.ru размещены двенадцать больших интервью с учителями нашей школы, работающими здесь практически со дня её основания.

Представляем вашему вниманию интервью с Виктором Михайловичем Виленским, учителем географии и старшим методистом, который работает в нашей школе с 1979 года.

Учитель – это судьба...
«На работу как на праздник»

СЕМЬЯ

Виктор Михайлович, расскажите, пожалуйста, о Ваших предках, семьях Ваших предков и родителях.

Интересный, неожиданный вопрос. Кого я знаю?.. К сожалению, только до своих бабушек и дедушек. Деда своего я видел только один раз в жизни, потому что бабушка с ним развелась, и, один раз, когда мне было лет десять, он приехал домой к нам, я, естественно, его не знал, его даже не пустила бабушка на порог, поэтому моё знакомство с ним этим и ограничилось. Бабушка медсестрой проработала всю жизнь. Я, разбирая квартиру родителей, нашёл документы, подтверждавшие, что она работала в медицинской сфере в революционные годы и годы гражданской войны, очень интересный был архив... Родители мои: мама - врач (логопед), папа был научным работником, можно сейчас сказать, работал в пединституте на кафедре воспитания, потом на кафедре социологии, к сожалению, их уже нет с нами, они прожили достойную жизнь, за 85 было им обоим. Когда я стал разбирать их вещи, для меня стало открытием (я даже никогда этого не знал), что отец был членом многих научных обществ, я даже нашёл документ, подписанный космонавтом Леоновым, о том, что в честь моего отца названа звезда в каком-то созвездии. Документ лежит у меня в коробке, хочу внуку передать потом. Так что вот, собственно говоря, что я знаю про моих родителей.

Откуда Вы родом?

Коренной москвич, и мама, и отец родились уже в Москве, поэтому я вот как раз тот, кого называют коренным москвичом.

А никто не рассказывал, Ваши предки всегда жили в России или переехали сюда?

Я могу догадываться, что корни лежат не в России, или, по крайней мере, на её западных окраинах, потому что фамилия Вилёнский или Віленский, это зависит от ударения, если второй вариант, то это Виленская губерния, город Вильнюс, теперешняя территория Литвы, а первый вариант - польское произношение, это говорит о том, что кто-то родом из тех мест. Я не знаю, например, отца чаще называли Віленский, меня

чаще называют Вилёнским, но мне совершенно всё равно, потому что я - человек, который родился в Советском Союзе, прожил там подавляющую часть жизни, поэтому другой никакой страны я не знаю.

ДЕТСТВО

В какой школе Вы учились?

Хороший вопрос. Это была обычная дворовая школа, которая возникла рядом с бараками двухэтажными деревянными в районе Красной Пресни. Это сейчас Пресня - это Сити, а тогда это были бараки в промышленном районе, мануфактура неподалёку от нас была, и школа, в которую я пошёл, её только-только построили - обычная пятиэтажка советская с барельефами деятелей. Мы были

первым классом, который туда пришёл, и мы же были первым выпуском, поэтому воспоминания о школе у меня такие, достаточно забавные, потому что это, наверное, был не самый удачный период в моей жизни, потому как дважды меня выгоняли за поведение из школы, я даже не вступил в комсомол, хотя было принято в советское время, что ты сначала октябрёнок, потом пионер, а в старших классах комсомолец. Но вот так получилось, что в комсомол меня не взяли, мне пришлось вступить туда только в армии, когда командир роты обнаружил, что взвод пошёл на комсомольское собрание, а командир взвода сидит. «Что ты сидишь?» «Да, - я говорю, - вообще-то я не комсомолец». «Бери бумагу и немедленно пиши заявление о вступлении в комсомол!» Вот так спустя пару-тройку лет, значит, я стал комсомольцем, вот так получилось.

Можете ещё что-нибудь о Вашей учёбе в школе рассказать?

Учился я средне. Тогда мы жили по-другому, у нас не было смартфонов, телевизор ходили смотреть в гости по несколько человек, в основном, играли летом в футбол, зимой в хоккей, у нас в классе было несколько команд, с названиями, мы играли... Собственно, из школы-то меня выгнали за вот такую вещь: мы сделали футбольное поле, и как на всяком футбольном поле, нужно было его оградить флажками. А где достать флажки? Под седьмое ноября вывесили флажки на здании школы, ну мы их сняли и воткнули в футбольное поле, за что нам «пришили» антисоветчину - это было первое, за что я чуть не вылетел из школы. Хорошо помню уроки географии, у нас директор вёл географию. Не то чтобы я очень хорошо по ней учился, но учитель запомнился: фронтовик такой, пожилой мужик, интересно рассказывал, по-деревенски, мне нравились эти уроки. Второй раз меня выгоняли из летнего лагеря трудового. Там я был взрослый достаточно, и сказал нашему руководителю о том, что не подобает так себя вести, ну выпивал человек. Он сказал, что меня выгонит, я побоялся, что сообщат родителям, ушёл, два дня жил в лесу, ребята искали мне еду, но через два дня родители узнали, приехали, в общем, из школы на неделю выгнали во второй раз. Тогда же как было, выгоняли не совсем, а на неделю: недельку отдыхаешь, возвращаешься и продолжаешь учёбу. Вот такие у меня воспоминания о школьных годах. Сложный я был подросток в то время. Пресня была пролетарским районом, и учащиеся, контингент был простой, пролетарский.

Выпускная фотография

ОТ ШКОЛЫ К ШКОЛЕ ЧЕРЕЗ АРМИЮ

У нас есть информация, что в начальной школе Вы хотели стать космонавтом, затем сотрудником уголовного розыска. А кем Вы видели себя в старшей школе?

В старшей школе я вообще об этом не задумывался, всё шло как-то по течению. Более того, даже когда оканчивал школу (тогда же не было такой проблемы с поступлением) и встал вопрос, куда поступать, я опять-таки вспомнил нашего директора, подумал: «Дай-ка я пойду, значит, на географию». Она мне вроде нравилась, у меня всё там получалось, и я поступил на географический факультет пединститута. Ну, правда, там я проучился только полтора года, потому что, опять-таки, мы стали там играть, прогуливать, у меня начались конфликты с родителями, в первую очередь с папой, потому что он был недоволен тем, что я так отношусь к учёбе. Он всё время пугал меня, что, мол, будешь плохо учиться - заберут в армию. Я сказал: «Ну и хорошо, заберут, значит, так надо, все служили - и я буду служить». Полтора года я отучился, и на втором курсе я пошёл в военкомат и попросил, чтобы меня забрали в армию, сказал, что я ухожу из института и хочу продолжить свою карьеру как человек, который хочет отдать долг Родине. Многие люди с детских лет знают, кем будут. У меня по-другому сложилось... Правда, что касается космонавта, понятно, шестидесятые годы, кто тогда не хотел быть космонавтом, это то, чем страна может гордиться и сейчас, на самом деле. А сотрудник уголовного розыска... Вообще-то, когда я начал работать в 43 школе, у меня был период, когда я думал года через три-четыре пойти в милицию. Мне нравилось, что я буду стоять на защите людей, что я буду бороться с преступностью, но, когда я пришёл в милицию, мне сказали: «Вы нам подходите - офицер, с образованием, но Вы не коммунист». А в то время нельзя было, не будучи коммунистом, служить в органах офицером. И тогда я вынужден был вступать в партию, правда, туда меня не приняли. Это особый разговор, потому что, если бы не Юрий Владимирович, меня бы вообще выгнали из школы, потому что в райкоме партии, как они сказали, я им нахамил, хотя на самом

деле я не понял, почему люди имеют право судить обо всём, да ещё таким образом, поэтому всё, что я считал нужным, я им высказал. Меня попросили удалиться и больше туда не приходить, и если бы не наш директор, то меня бы из школы выгнали. Но всё обошлось, Юрий Владимирович умудрился всё это как-то замять. Но в партию меня не взяли, и, соответственно, вопрос о работе в органах внутренних дел сам собой отпал. Ну а дальше я понял, что то, чем я занимаюсь, мне нравится, и зачем менять? От добра, как говорят в народе, добра не ищут.

Расскажите, пожалуйста, о Вашей службе в армии.

Ну, служба... Что рассказывать? Коротко, долго рассказывать я не буду - это большой кусок жизни, два года отданных этому. Я странно попал в войска, в которых прослужил два года. Вообще-то, я собирался в воздушно-десантные войска, мы даже должны были прыгать с парашютом, но я сломал ногу, и на это время всё пришлось отложить. Когда нас призвали в военкомат, мне не повезло, потому что у меня голос определённую имеет специфику, я пришёл в военкомат, сказал: «Хочу служить в воздушно-десантных войсках». Там сидел полковник, на меня посмотрел и сказал: «Ну ты, наверное, пьёшь, голос у тебя такой?» «Не пью», - ответил я. «Куришь?» «Да нет, просто голос такой с рождения, поверьте!» Ну, видимо, он не поверил, и в десантные войска меня не взяли. Ну, ладно, мы сидим на призывном пункте, проходит день, второй, мы сидим, я говорю, мол, ребята, или вы нас выпускайте, или забирайте куда-то, что это происходит? Дежурный офицер говорит, что команда какая-то идёт... «У тебя есть места?» «Есть». «Ну вот, возьми ребят двух». Взяли. Я говорю: «А куда мы идём?» Он отвечает: «В стройбат». Я думаю: «Ой, мама! Вместо десантных войск в стройбат попал!» Ну что делать? Попал, значит, в строительные войска. Отслужил где-то с полгода, затем меня направили в школу младших командиров в Одинцово, где нас

готовили в течение нескольких месяцев на командиров взводов. Ну и дальше вернулся в свою часть, оставшееся время был командиром взвода, заместителем командира роты, командовал ребятами. Может быть, я бы и связал всю жизнь дальше с армией, мне предлагали остаться, но не получилось, потому что за пару месяцев до того, как принять решение, я сходил в самоволку, и на этом всё кончилось, потому как мне сказали, чтобы я даже не мечтал продолжать службу при таком отношении к своим обязанностям, хотя обязанности свои я выполнял хорошо, так как год у меня был лучший взвод в части, например. Строевик я был хороший, лучший в части тогда. По молодости, конечно, не сейчас. Неприятно было, что мне дали сразу стариков, то есть тех, кто уже отслужил год, тяжело было очень, приходилось с ними вместе ходить на работу, в общем, я там понял простую вещь, что если ты хочешь, чтобы тебя уважали и с тобой считались, ты должен быть сам примером для других. Если, значит, на фриззарядку - впереди них, а не стоять и смотреть. Работа - значит, с ними вместе. Уезжая, ребята все благодарили, потому что разное у нас бывало. Бывало, что после дембеля и лицо били некоторым офицерам. Вот тогда я понял, что, наверное, что-то в этом плане меня и будет привлекать - работа с людьми, в первую очередь.

Юрий Владимирович, когда меня брал... Я-то думал, что он берёт меня географию преподавать, а он, значит, это всё так, ну приходи к нам, но не на географию, военруком, поменять нужно было военрука. Я ответил, что, ну надо, так буду, что ж делать, и вёл начальную военную подготовку, так что вот так сложилось. Но я не жалею о том, что я отслужил в армии, потому что я повзрослел, многое понял, и когда я уже потом вернулся и восстанавливался в институте, я, конечно, уже выбор делал свой осознанный, так как вначале мне было совершенно всё равно, куда идти и чем заниматься (учиться, а затем преподавать).

Спасибо! Расскажите чуть-чуть подробнее о Вашем пути из армии в школу

Это был 1978 год, в этом году мы, группа студентов географического факультета, пришли с нашим методистом,

Диной Самуиловной Авербах, на практику в школу 43. Мы готовили уроки, проводили их в разных классах, то есть учились быть учителями, ну и Юрий Владимирович, посмотрев уроки, как-то задержал меня и сказал: «А не хочешь ли ты работать в школе?» Я ответил, что учусь, а в конкретной этой школе... Мне тогда было всё равно, какая разница, я никаких других школ не знал, я говорю, ну, а кем мне можно быть? «А ты не волнуйся, нагрузка у тебя будет». И мы с ним договорились, и поэтому после окончания института я уже пришёл к нему, и он предложил мне начальную военную подготовку вести, и пришлось заниматься этим. Надо сказать, что в первое время мне приходилось заниматься не только начальной военной подготовкой. У нас же, понимаете, сейчас много учителей. Я посмотрел список сотрудников, у нас почти сто человек, а тогда в школе было чуть более сорока учителей, и когда люди заболели, а болели люди всегда, то приходилось заменять их в разных ипостасях, поэтому я вёл разные предметы: труд, физкультуру (мне даже Андрей Александрович Корзыков, тогдашний учитель физкультуры, предлагал заняться этим, а не только НВП). Биологию вёл, потому что у меня специальность была география и биология, много чего. Дети на капустнике это обыгрывали, они такую частушку про меня пели, до сих пор помню: «Знает много он наук и зовётся военрук». Вот как сейчас помню. Так что разные предметы пришлось преподавать, и так получилось, что я проработал военруком лет, наверное, пятнадцать, не меньше, пока Юлия Романовна Хайкина не уехала, пока Юрий Владимирович не перестал преподавать географию, вот тогда я переключился на этот предмет. Так что впервые я переступил порог этой школы в 1978 году, а с 1979 года работал в качестве педагога, и, кстати сказать, я здесь с 1979 года (в 1978 году мы на практике были), а здесь уже работал Александр Юльевич Волохов, патриарх наш, почему я с таким пиететом к Саше отношусь, потому что очень давно работает. Галина Владимировна Пикалова работала, ну а так больше фактически у нас уже никого не осталось. Буквально следом за мной пришли Леонид Александрович Кацва, Елена Дмитриевна Волжина, те

учителя, которые сейчас являются лицом этой школы. Вот так оно всё сложилось.

Вы в 1978 году географию вели?

Да, географию. Геофак же, практика. Я не знаю, как сейчас, а раньше на четвёртом курсе была практика. Мы приходили в школы и давали уроки в разных классах. Конечно, географию, но в основном физическую, потому что экономическую вёл сам Юрий Владимирович.

Специальность по диплому у меня - преподаватель географии и биологии, но, поскольку в скором времени пришёл в школу Сергей Менделевич, была организована кафедра биологии, понятно, что они - более квалифицированные люди, да и контингент стал меняться, у нас начала профилизация появляться, вот, поэтому я сосредоточился, конечно, на том, что лучше знал, а именно географии.

Сколько лет Вы вели разные предметы?

Это были первые годы, потому что нас было мало, и надо было подменять друг друга. Это сейчас очень тяжело иногда бывает договориться, чтобы учитель вышел на замену, а тогда как-то коллектив был небольшой и достаточно дружный, поэтому надо было - значит, идёшь туда, надо здесь - значит, надо. Я, понимаете, с армии привык, как, знаете, говорят: «Приказ начальника - закон для подчинённого»; надо выйти - значит, надо. Тогда же не так было, как сейчас, это сейчас я звоню, спрашиваю, можете ли выйти, тогда было просто: тебе звонили в любое время и говорили: «Завтра Вы должны выйти в такой-то класс на такой-то урок, и всё». Дальше ты просто выполняешь. Кстати, Юрий Владимирович говорил тогда, что мы не работаем в школе, мы служим. Это очень, кстати, разные понятия, потому что работать можно по-разному, а вот служить надо хорошо. Он всегда подчёркивал, что у нас самая почётная и самая значимая работа. Действительно, если разобраться, мы передаём опыт будущему поколению, мы готовим тех, кто придёт нам на смену, поэтому он был прав, безусловно. Я не сразу это понял, но с возрастом пришло осознание того, что человек действительно говорит правду.

Другое дело, что государство относится так, что приходилось тяжело в определённые времена. Мне приходилось и мебель собирать, и аккумуляторы таскал грузчиком. Такое было время тяжёлое, что мы с Ольгой Эдуардовной приходили к моим или её родителям и говорили, что если не дадите нам пять копеек на метро, то мы останемся у вас ночевать. Они, конечно, этого не хотели и десять копеек нам выделяли, чтобы уехали только, такое тоже было.

А какой предмет Вам больше всего нравилось преподавать?

Нравилось?.. Ну, вообще-то, я и НВП (начальную военную подготовку) хорошо преподавал, когда было с чем работать. Понимаете, тогда у нас и городок гражданской обороны был, который сейчас в полном запустении, из него сделали детскую площадку; пятидесятиметровый тир, один из лучших в районе тогда у нас был. У нас были мелкокалиберные винтовки, то есть мы проходили строевую подготовку, и вообще ходили с ребятами и в лес на тактические занятия, то есть реально мы с ними всё это делали. И строевую подготовку проводили, и автоматы у нас были, не просто мы по картинке говорили, а могли это проводить. И соревнования устраивали, поэтому преподавать НВП вполне нравилось. Мне нетрудно было, это то, чему я недавно учил одних, только взрослых, а это то же самое, но ребята, помоложе на три-четыре года, и я понимал, что мне нужно сделать, чтобы, если они пойдут в армию, их служба была легче, проще, чтобы им проще было вписаться в армейский коллектив, и я старался их подготовить, поэтому НВП в то время, конечно, было в приоритете. А остальное - про географию понимал, что мне, как у Высоцкого, не светит в ближайшее время, поэтому, в общем, так - значит так, НВП буду преподавать. А вот когда у нас забрали оружие, когда в тир сложили мебель, когда городок под стоянку забрали, тогда и смысла особого не было, потому что, что делать-то в этом случае там? Рассказывать - это же бесполезно, так ты ничему не научишь человека, если будешь только картинки показывать, поэтому, как только появилась возможность

заниматься географией, я стал заниматься тем, чему меня готовили в институте.

Расскажите, пожалуйста, о Вашем первом уроке в 43 школе.

Честно сказать, я его не помню. Я думаю, что это сопоставимо с первой поездкой на автомобиле. Когда я довёз родственников жены от их дома до нашего, у меня была мокрая рубашка, потому что это было такое напряжение. Я думаю, в первое время такое же напряжение было и на уроках. Во-первых, потому что в самом начале наша школа была другая, школа была дворовая, контингент был очень разный. Я, например, когда работал классным руководителем... трудно это себе представить, у меня был класс, в котором было сорок два человека, которых я принял в седьмом классе, а к концу их осталось человек восемнадцать. Остальные либо сами ушли, либо я добился того, чтобы их не было в классе. Дети были разные, конечно. Такие разные, что ой-ой вообще. А потом постепенно менялся контингент, школа стала уже и иметь возможность выбирать, школа сначала стала гимназией, тут уже пошёл другой контингент, уже не надо было думать о том, как там кого привести в чувство, в порядок и так далее. Поэтому первый урок абсолютно не помню, как-то не отложилось. Я помню первое время: было тяжело, конечно, потому что ты учился всему. Ты учился тому, как держать дисциплину, это очень трудно, особенно когда ты начинаешь, а перед тобой сидят ребята, которым учёба многим не нужна. Трудно, потому что ты чувствуешь пробелы в своих знаниях, у меня же получилось, что я сначала полтора года учился, потом два года служил, после этого работал полгода, и только потом восстановился. Где-то должна лежать тетрадка, где я писал уроки свои. И вот я сидел, писал, писал эти уроки, потому как я понимал, что я не хочу выглядеть дураком на уроках - прийти и не ответить на вопрос или какую-то чушь нести, поэтому мне приходилось очень много работать. Я себе говорил, что дурак, не делал ничего на первом курсе, а вот надо было это всё делать. Но ничего, потихонечку, потихонечку, и оно всё пошло. Опыт какой-то появился, знания появились, стал читать много литературы своей, у меня до сих пор жена спрашивает, почему я читаю только

книги по экономической географии. Я не читаю другие книжки не потому что я не хочу, я бы рад читать другие книги, но мне приходится всю периодику смотреть, потому что экономическая география - не физическая. В физической Волга впадает в Каспийское море, так она и впадает, и сто лет пройдёт, а она будет впадать. А в экономической географии всё меняется моментально. Если ты не будешь за этим следить, ты не сможешь ничего делать. Ещё период был у меня, когда мне пришлось вести ещё и экономику, то есть я несколько лет вёл экономическую географию и экономику в школе. И только когда пришла наша выпускница, кандидат экономических наук Аня Федорчук, вот тогда я и освободился от этой работы, так что тяжело было очень. Ну, ничего, не боги горшки обжигают, как-то освоил.

Поскольку первые уроки у Вас были по начальной военной подготовке, просветите нас, пожалуйста, что входило в этот курс.

Начальная военная подготовка тогда предполагала много вещей. Во-первых, это теоретические знания устава, было четыре общевойсковых устава - внутренней службы, гарнизонной и караульной службы, строевой и дисциплинарный уставы. Нас жёстко учили в школе младшего командного состава, потому что мы должны были учить других. До сих пор я помню дисциплинарный устав, процитирую:

«Статья 1. Дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядков в соответствии с правилами, законами и воинским уставом. Она основывается в сознании каждым военнослужащим своего воинского долга и боевого воинского долга, личной ответственности защиты своей Родины, СССР»

И так далее, и так далее по тексту. Всё это приходилось учить. Ну, ты выбираешь всё, что здесь наиболее важное. Уставы у нас были, у нас была строевая, то есть, одиночная строевая подготовка, в составе отделения, взвода, у нас была площадка размечена, и в тире была размеченная площадка, мы ходили, занимались. У нас была тактическая подготовка, где мы рассматривали отделения в обороне, отделения в

наступлении, что делать (тактика - учение о бое, чтобы было понятно). У нас была стрелковая подготовка, был прекрасный тир, и мы проводили занятия. Более того, я нашёл человека, бывшего тренера сборной Советского Союза по стрельбе, и вот он занимался с ребятами, и мы обычно очень хорошие результаты показывали на соревнованиях, потому что он классно готовил, но это не благодаря мне. К сожалению, даже не помню, как его звали, пожилой такой. Вот это всё входило в состав начальной военной подготовки. Ну и старался, чтобы это было нужно, необходимо, не по-армейски, значит, тупо, потому что иногда приходилось спорить даже с проверяющими. Я вспоминаю случай - в тире должно было быть оборудовано место для дневального, а место для дневального предполагает тумбочку, ну, тумбочку мы поставили, устав, устав лежит, а они требовали «ноги», то есть нарисовать ноги на месте, где он должен стоять. Пришли проверяющие, произносят: «У вас нет ног». Я говорю: «Ноги-то у меня есть, вот они, а то, что здесь нет, ни в одном уставе это не написано, вы можете взять устав, покажите мне, где это написано?» «Ну, Вы должны знать это, что это вот там...» Не, ребят, так не пойдёт. Вот вы мне покажите статью устава, и тогда я признаю, что я не прав, а если этого нет - извините, почему дневальный должен стоять вот так, а если он стоит у меня справа, что изменится? Ничего. Он выполняет свои обязанности, которые предписаны ему дисциплинарным уставом гарнизонной и караульной служб, всё. Вот так у нас всё и было. Соревнования устраивали, даже привлекал своих ребят, которые отслужили. Поскольку нужно было, чтобы все были военными, то я надевал одну форму, а им давал другую, и вот мы всё это проводили. Так что было достаточно интересно. Да! А там же вот забавно было: моя супруга всё припоминает мне, что на занятиях НВП у юношей обязательно должны были быть галстуки. Как дети любят галстуки, не надо объяснять. Тем более, формы в нашей школе никогда не было. И вот, значит, дилемма: все должны быть в галстуках, и когда

шло построение (а начинался урок с того, что взвод выстраивался, командир взвода там равняйся-смирно-доклад принимал, я здоровался, ну, как положено в армии), стояли ребята, весной на парнишках майка и галстук! Эти галстуки они передавали друг другу, знали, что следующий урок у другого класса, значит, на тебе, потому как у них не было. Один и тот же галстук видишь на разных людях в течение дня! Забавно. В столовой у нас было построение, потому что кабинет НВП был там, где сейчас располагается тренажёрная, на первом этаже у столовой.

Немного не по теме, но, думаю, многим будет интересно. Где территориально располагался тир и ещё одно заведение, о котором Вы недавно сказали?

Тир располагался как раз в подвале. Мой кабинет завален разными вещами. Это всё то, что когда-то находилось внизу, в тире, там был весь реквизит театральный, и там у меня был кабинет просто для занятий, а второй кабинет НВП был, повторяю, в тренажёрном зале. Тир, собственно, и сейчас существует, его на самом деле можно было бы легко привести в порядок, только стрелять из рогатки остаётся. Пятидесятиметровый тир идёт от лестницы до лестницы. А была ещё оружейная комната, где хранилось оружие, там имущество было, там противогазы, мины и прочие муляжи. Перед тиром был небольшой класс для занятий. Вот так всё это было, сейчас туда давно никто не заходит, пожарные велели всё освободить, всё вынести, всё выбросить, и вот стоят пустые комнаты с пустыми стенами, у меня там остался только один сейф, и в нём, по-моему, осталась пневматика. Должна была остаться (по крайней мере) я-то сейчас этим не занимаюсь, этим занимались другие люди, которые сейчас у нас работают. Должно было остаться пневматическое оружие.

МЕРОПРИЯТИЯ В 43 - 1543

Принимали ли Вы участие в школьных постановках или капустниках?

Ну конечно, тогда мы принимали участие, то есть обязательным было участие в них. Как правило, писали тексты Елена Дмитриевна, Елена Всеволодовна, ну, наши филологи, понятно. Александр Юльевич был всегда, Леонид Александрович почти всегда, я, Андрей Анатольевич Ермаков, талантливейший актёр. Если вы когда-нибудь посмотрите спектакль, который мы делали, «Тиль», он там прекрасно сыграл, я до сих пор вспоминаю. Да, мы всегда участвовали, потому что мы пришли какой-то группой. Софья Филипповна, Юрий Владимирович также участвовали в ряде капустников, постановок наших и так далее. Поднимали мы легко всех, хотя это очень тяжело организовать, потому что у всех же разное время, у всех уроки разные, какие-то дела, поэтому обычно у нас была одна-две репетиции, и дальше каким-то боком всё это получалось. Получалось, народу нравилось. Сейчас уже, конечно, тяжело нам это всё делать, потому что и возраст сказывается, и просто какие-то дела, и жалко, что это уходит постепенно из школы, потому что это то, что очень ценили наши выпускники, у нас же когда был учительский капустник, невозможно было войти в зал - он был забит битком. Выпускники, родители, ученики, кого

только не было. Потихонечку это, к сожалению, уходит. Театральные постановки ещё остаются, Маргарита Анатольевна с выпускниками ставит, но и их стало меньше, а тогда это было фишкой нашей школы. Сейчас я даже не представляю, как поднять народ на такое мероприятие: мы все настолько заняты ерундой какой-то, даже если раньше я брал свой журнал и за минуту выставлял все оценки, то теперь, чтобы поставить одну оценку, надо сначала нажать кнопку «Тема», выбрать, потом оценку выбрать, потом надо прикрепить что-то ещё... И пока всё сделаешь, столько времени уходит на эту никому не нужную вещь, что не знаю. Ну и потом, конечно, уже стали все люди взрослые, и дети, и внуки у многих, тяжело. Это были хорошие моменты, единение всех - и учителей, и родителей, и учащихся, и вот обидно, что это всё уходит.

Очень жаль. А смертельный удар по учительским капустникам и сценкам был нанесён в пандемию коронавируса или раньше?

Пандемия сыграла свою очень негативную роль, потому что тогда ж вообще запрещено было в школу приходить. Играть для кого? Детей собирать нельзя, родителей пригласить нельзя, выпускникам зайти в школу нельзя, кому тогда это надо? Нам самим? Стало непонятно, а для кого же это всё делать. Поэтому, конечно, коронавирус много чего испортил, и это не только связано с капустниками, это связано и с набором, который мы проводили дистанционно, потому что мы сразу увидели, что резко упал уровень набора, когда его вели дистанционно. До этого ты с человеком общался, это одно, а когда ты говоришь с ним, когда он сидит у себя в комнате, кто там у него под столом нашёптывает, непонятно. Так что и коронавирус, и другие вещи. Я никогда не понимал, как в Государственной Думе принимают какие-то решения, потому что 450 человек в нижней палате, я не понимаю, как они могут прийти к какому-то консенсусу. Когда нас было мало, как-то мы больше общались. Теперь нас очень много, а человеческого общения стало гораздо меньше. Все как-то заняты, не скажу своими делами, но как-то что-то вот нарушилось. Времена, что ли, изменились, не могу объяснить, и поэтому я

сейчас скучаю и жалею, что этого нет, жалею, что сейчас ученики этого не увидят, что вам нечего будет рассказывать своим детям, если вы будете хотеть отвести их именно в эту школу. Останутся только какие-то люди конкретные, ради которых приходят. А тогда всё-таки были другие вещи: походы, которых сейчас тоже практически не стало, да, День самоуправления, сейчас его пытаются возродить. Это же было здорово, когда дети шли проводить уроки, мы с ними готовили уроки, и старшие давали уроки младшим, потому что пока ты сам не встанешь на место учителя, ты не поймёшь, что это такое. Вот когда ты встал, перед тобой двадцать пять детишек сидит, а тебе им надо сорок пять минут что-то рассказывать, вот тут и понимаешь, в другой раз ты не будешь делать на уроке то, что позволял себе обычно. Повторяю, остаётся только сожалеть, что как-то всё это потихонечку ушло. Были люди, которые хотели, любили это делать, могли это сделать. Очень плохо, что нет с нами Ларисы Давыдовны, Юрия Владимировича, это люди, которые не столько организовывали, столько создавали атмосферу такую, и ты понимал, что, да, это стоит, это надо. Это было здорово.

Нам известно, что Вы ездили и до сих пор ездите со школьниками. Это походы или поездки? И укажите, пожалуйста, маршруты Ваших поездок.

Сейчас, конечно, уже какие походы, раньше ходили мы с ребятами. Ну вот я вспоминаю, в походы я свою дочь старшую брал, мы ходили в Крым, большой был поход. Ходили раньше больше в походы, гораздо больше, было спокойнее, сейчас походи на Кавказ куда-нибудь, небезопасно, понимаете. Особенно когда были эти события, связанные с Чечнёй и так далее. А тогда в этом проблем не было, мы ходили часто, слёты туристические каждую осень устраивали, когда вся школа выезжала в Подмосковье. Устраивались соревнования, старшеклассники, готовили трассы, маленькие бегали, и так далее. Костры, палатки, это было классно. Что касается поездок: поскольку у меня супруга - классный руководитель всегда в гуманитарных классах, которые ездят в поездки всегда, и это поездки не такие, просто куда-нибудь

смотреться, а они идут в соответствии с программой; Древняя Русь, допустим, в этом (2023 - прим. ред.) году - мы ездили во Владимир и Суздаль, осенью поедem в Новгород и Ладогу. И вот так по всей программе, и кончалось это обычно после десятого класса, когда мы ездили на Соловецкие острова. Я там уже четырежды был на Соловках с разными детьми и даже с их родителями! Последний раз родители просто сказали, что, мол, детей вы возите, а мы? Ну и нам пришлось, значит, взять человек восемь родителей и поехать с ними на Соловки. Да, такое тоже было не так давно. Сейчас они опять завелись: «А давайте ещё раз съездим туда». Поэтому поездок много. Обычно это две-три дальних поездки за год у гуманитариев. Поскольку я всё время с ними ездю, то прилично мы ездим. Маршруты самые разные, где мы были, если сейчас вспоминать: это древнерусские города, потом Нижний Новгород, Питер, конечно, когда люди постарше, Ферапонтово, это фрески и монастырь Ферапонтовский, Соловки, как я уже сказал. Достаточно интересная программа, разнообразная. И главное, что она необходима, потому что одно дело, когда мы читаем или смотрим картинки, а другое дело, когда ты сам находишься, вот мы были сейчас в церкви Покрова на Нерли. Нам всё рассказывали, все стояли, смотрели, слушали. Это, конечно, незабываемо. Это остаётся у человека в памяти на всю жизнь.

Не могли бы Вы назвать самую запомнившуюся поездку?

Конечно, Соловецкие острова. Но любая поездка в первую очередь связана с теми детьми, с которыми ты едешь. Отношения с детьми по-разному складываются, есть, где они формальные (учитель-ученик и так далее), есть, где они становятся очень близкими, когда мы все чувствуем себя одной какой-то командой, одним коллективом, вот тогда это классно, это просто кайф, дети счастливы, и ты счастлив, потому что вот оно, единение душ происходит, это, наверное, самое лучшее, что может быть, поэтому, конечно, из дальних поездок - Соловки, Ферапонтово. Был последний выпуск (2020 год), до сих пор мы встречаемся, это именно их родители почти каждый месяц приглашают нас на классное собрание, на самом деле, посиделки в ресторане, но

разговор, конечно, в первую очередь идёт о детях, поэтому это и про дальние поездки. Люди удивляются, почему у вас такие дети. Мы всё детям рассказали, показали, и они такими стали. А теперь нам не надо за ними следить, мы можем спокойно сказать, допустим, в Питере: «Ребята, у вас свободное время» и не бояться, что они что-то сделают, потому что они уже знают, что можно, что нельзя. Мы им доверяем, и они это доверие стремятся оправдать. Вот это, конечно, отлично, а не когда ты – надсмотрщик: тут слушай, тут это, тут то, ну это маленькие, с ними тяжело, но их надо учить, чтобы они тоже становились такими же в дальнейшем.

Не могли бы Вы рассказать о запомнившихся случаях на Ваших уроках?

Ой, случаев столько было много... Что на ум приходит... Ну вот какие были интересные вещи: сейчас я даже не вспомню, были два ученика в классе: один был Алергант (фамилию я помню), такой крупный парнишка, а второй – такой худенький какой-то. И вот я веду урок географии, и минут через пять после начала урока отмечаю, кого нет (Алерганта и его друга). Ну нет и нет, мало ли что может быть. Открывается дверь, и в класс заходит Алергант, а у него на плечах сидит его друг и смотрит на меня, что я скажу.

– Приехали?

– Да!

– А теперь разворачивайтесь и поезжайте дальше, а не сюда!

– Куда?

– В кабинет №1 к Юрию Владимировичу!

Бедный ученик упал с Алерганта, посмеялись, конечно, все. Ну, надо понимать, что зачастую меня часто спасает то, что я стараюсь подобные ситуации делать смешными, забавными, а не делаю из них серьёзных вещей, потому что если начать... Что я должен был сделать? «Вон отсюда!» Зачем? Они решили прикольнуться, и я тоже. Всё по-простому. А чей прикол лучше – вот мы и посмотрим. Но так это всё время регулярно происходит, не запоминаешь, потому что это уже твоя жизнь, это как в школу идёшь, не запоминаешь, что по дороге, идёшь своим маршрутом. Всякое было. Ещё: в первые годы школы был Архангельский, сейчас даже

не вспомню, как его зовут. Леонид Александрович его хорошо помнит. Представьте: вот у меня идёт урок, урок индивидуальный, потому что его нельзя было в классе учить, он на индивидуальном обучении был. Мы обычно садились в 39 кабинете, где раньше была география, сейчас Ольга Ивановна Телегина там работает. Я говорю: «Ну (не помню, как его зовут), ты что-нибудь вспомнил, о чём мы в прошлый раз говорили?» «Да, - говорит, - вспомнил». Подходит к окну, открывает его и начинает орать в окно во весь голос: «Люди! Меня здесь избивают! Люди! Учителя творят произвол!» Ну вот он орёт, орёт, я сижу, смотрю, проходит минуты две, никто не реагирует, закрывает окно. «Сволочи! Никто не реагирует, никто на помощь не идёт. Давайте, что там по географии», - говорит. И мы начинаем разговаривать с ним о географии. Или: девочка тоже занималась индивидуально, я спрашиваю: «А вот скажи, пожалуйста, глобус Украины существует?» Думал, приколюсь сейчас, она надо мной посмеётся, она задумалась, я тоже, может, я что-то не то сказал? Она говорит: «Наверное, нет». «А почему?» «Я никогда такого не видела, а так, может быть, и есть, кто знает». Так что вот так всё было интересно. Много чего интересного было, за столько лет разве можно обойтись без забавного? Это сейчас туга, а тогда было больше.

ПРОФЕССИЯ УЧИТЕЛЬ

Какова роль учителя в жизни его учеников? И можете ли Вы в двух-трёх словах определить, кто такой учитель?

Сложный вопрос. Во-первых, давай с последнего начнём. Кто такой учитель? По идее, наша профессия предполагает передачу каких-то знаний по различным областям наук. Но это очень узкий взгляд на профессию. Вот Юрий Владимирович... Всё время о нём вспоминаю, потому что чем больше времени проходит, тем больше понимаешь, насколько он был мудр и велик в своей работе, он приучил нас к этому. Вот таких учителей он называл урокодателями. Вот они пришли, дали урок, хоть трава не расти, повернулись и ушли. На самом деле, я с ним полностью согласен,

что работа учителя не определяется только уроком, потому что здесь всё: и то, как ты общаешься с детьми, то, даже как ты одет, как выглядишь перед ними. Если ты позволяешь себе прийти не пойми в чём, сидеть там пить, есть и так далее, ты никогда не сможешь потребовать от ученика, чтобы он этого не делал. Раз себе позволяешь, а чего тогда я не могу, мы такие же люди, только помоложе, да. Поэтому Учитель с большой буквы - не только тот, кто передаёт знания по какому-то предмету, а человек, с которого хочется брать пример, который должен быть таким примером во всём: в поведении, в культуре... Вот иногда я вижу некоторых учителей, которые позволяют себе ходить по школе в каком-то таком виде, в котором можно в бар зайти пивной после трёхдневного запоя, но не в класс, потому что как так, на тебя смотрят... А ещё был у меня эпизод, когда я зашёл в класс, мне надо было какое-то объявление сделать, ну, вы знаете, хожу по школе, делаю объявления о заменах и тому подобном. И я вижу, сидит педагог, слава Богу, он у нас работал недолго, он сидит за учительским столом, а его ноги лежат на парте. Лежат ноги на парте! Понимаете, это не учитель. Даже если он знает всё, это не учитель, потому что не может человек положить ноги перед тобой на парту, потому что это некультурно. Так нельзя, ты унижаешь другого человека, который сидит перед тобой. Почему он должен смотреть на подошвы кроссовок и нюхать твои носки? Так что я считаю, что учитель - это не только уроки, это много остального, и, если человек глубокий, если у человека есть что-то, он может чем-то увлечь. Например, я, когда брал свой первый класс, я думал, чем ребят зацепить. Я тогда играл в бадминтон, мог ещё, связки были целы, я организовал секцию бадминтона, и туда стали ходить несколько человек. А через это потом уже стали ездить с ними по Москве, смотреть московский модерн, у нас была программа. Вот как-то нужно найти что-то такое, чтобы коллектив сплотить. Даже не нужно весь класс, возьми себе несколько человек, которые станут твоими единомышленниками, а дальше они уже будут увлекать других, если это интересно. Сделай, чтобы это было интересно! Дети у нас такие, что они с удовольствием

откликнутся, если им это тоже будет интересно. И ещё. Вот иногда слышишь от учителей: «Как я не хочу идти в школу!» Ребята, если не хотите идти в школу, идите на рынок, торгуйте, занимайтесь чем-то! Нельзя приходить в школу с таким настроением, потому что ребёнок это сразу видит. Он видит, что тебе всё равно. И он это не просто видит, а он понимает, что, мол, человек делает свою работу, ему надо - вот он делает тебе замечание. Не потому что он убеждён, что так нельзя, а потому что так надо. И это совершенно неверно. Поэтому настоящий учитель, педагог, так не делает. У меня был жуткий случай: раньше мы стояли в дверях у школы, идёт учитель после звонка, ну, что мы говорим, когда после звонка? Нехорошо опаздывать, и так далее. Вот учитель идёт после звонка. Я спрашиваю: «Ну что же Вы, Марь Иванна, опаздываете?» А она ва-ва-ва на меня, что Вы делаете замечания? Я говорю: «Ну послушайте, Вы же педагог...» Как она оскорбилась на это слово! Я оскорбил её словом «педагог»! То есть она считает, что она пришла свой предмет рассказать. Рассказала - всё, можно повернуться и пойти домой. Это не учитель, люди. Это человек, который хорошо знает предмет, но это не учитель, потому что учитель, по большому счёту, вот как я понимаю теперь, проработав в этой школе сорок три года, это должен быть человек, который, во-первых, любит своё дело: нужно любить свою работу, иначе это сразу почувствуется, когда ты просто пришёл, отбарабанил, повернулся и ушёл. Ты должен любить детей, даже если они не вызывают у тебя никаких приятных эмоций. Всё равно, как говорил Юрий Владимирович, ищите что-то хорошее, оно всегда есть, но, может быть, спрятано где-то. Найдите! Ты должен увлекать своей работой, тогда ты становишься учителем. Если этого нет - значит, ты просто ходишь на работу. Но здесь, во-первых, люди, это одна сторона, это не машины, а в школе дети, а это ещё хлеще, потому что это маленькие люди, с которыми ещё можно работать. Со взрослыми тяжелее. Если спросить, что мне тяжелее всего в работе, это не там вставать в полшестого или проводить в школе целый день, мне тяжелее всего с коллегами. Не с детьми, с коллегами, потому что вот такого настроения зачастую у некоторых

ты просто не видишь, и это, конечно, огорчает, потому что хотелось бы, чтобы здесь были люди равнодушные. Вот, если говорить коротко. Может быть, пафосно, но, тем не менее, я понимаю с возрастом, что это действительно должно быть. Если этого нет - ты можешь быть хорошим профессионалом, но не учителем. К ЕГЭ так готовить можно, но работать в школе нехорошо, просто потому, что знания ты какие-то дашь, но мы же не только учим, мы и воспитываем, воспитываем в том числе своим примером. У меня был случай. На НВТТ мы говорили с ребятами, мол, почему кто-то не хочет идти в армию? «А вот там дедовщина». Ну да, дедовщина, мы поговорили об этом всём. Через час в столовой: стоит очередь. Как правило, малыши первые прибегают, вы знаете. Подходит этот ученик, который про дедовщину говорил, становится впереведив всех, берёт обед и идёт. Я говорю: «Подойди, пожалуйста, сюда». «А что такого?» «Понимаешь, вот очередь. Они тоже стоят, они так же, как ты, хотят есть. Вот то, что ты сделал - это дедовщина, дружок! Вот ты только в армию попадёшь, там будешь по этому поводу орать, мол, меня там... а сейчас ты сделал то же самое!» То есть ты сам такой! Что ж ты осуждаешь это?! Будь примером, и тогда ты не сделаешь так, другой не сделает так, третий, вот и не будет дедовщины! А если ты сам себе позволяешь, вот она и появляется. Извините, что так эмоционально, просто задело тогда за живое. Не знаю, дошло до него или нет, но больше разговоров таких не было, поведения такого не было.

Жалели ли Вы когда-нибудь о выбранном пути, или сомневались?

Жалел ли? Безусловно. Я же говорю, что хотел уйти работать в милицию. Это было где-то в начале, потому что тогда я ещё не очень понимал смысл своей работы: ну да, делаю что-то, рассказываю детям, учу стрелять, то, сё, ну это не очень было, и тогда я действительно хотел уйти. А потом, как говорится иногда, затянуло. Стало интересно, стало нравиться, появились друзья среди коллег, к которым хотелось прийти поговорить о чём-то, у нас же очень интересные есть люди, с которыми очень интересно

можно о многом поговорить. Среди выпускников появилось много друзей, с которыми мы поддерживаем отношения до сих пор. Недавно был у меня юбилей, много человек прислало свои поздравления - это все те, кто закончил школу десять, пятнадцать лет назад. Это, конечно, очень трогательно, потому что это благодаря той работе, которую ты делаешь, и благодаря этой профессии.

В какой школе сложнее преподавать - советской или современной?

Наверное, в современной, потому что в советской школе у нас как получалось: говорим мы одно, а делаем другое, вот такое правило у нас. Это правило все понимали: и дети, и мы. На разговоры откровенные никто тогда особо не шёл, если они были, они могли быть в походе, в поездке, у костра, вот тогда мы могли об этом поговорить. На уроке, конечно, никто бы такое делать не стал. А сейчас попробуй расскажи детям, что всё хорошо, когда всё плохо. Скажут: «Бедный, бедный Виктор Михайлович», или просто не поверят. Поэтому, конечно, сейчас работать тяжелее. С другой стороны, оно и проще, потому что ты можешь говорить правду. Да, ты можешь за эту правду пострадать, но что делать? Ложь-то мне не простят, потому что все понимают, что это не так, и ты делаешь не то, что должен, а ты говоришь то, что обязан, но это не то, что ты реально думаешь, это нехорошо. Надо стараться говорить детям правду. Если не можешь, ну, лучше тогда обойди эту тему стороной вообще.

СТАРШИЙ МЕТОДИСТ И СОСТАВИТЕЛЬ РАСТПИСАНИЯ

Большинство знает Вашу должность как «завуч». А как она официально называется?

Я не завуч сейчас, у нас заместители директора - другие люди, сейчас я называюсь старшим методистом. По идее, я должен смотреть, как проходят уроки, помогать молодым учителям. К сожалению, это плохо получается, потому что если даже у меня есть какие-то окна и свободное время, то из-за того, что приходится осуществлять замены, предупреждать людей, у меня

плохо это получается, хотя, конечно, это надо делать. То, что мы, кстати, потеряли - это наставничество, когда старые педагоги, возрастные, опытные, курировали молодёжь, то есть они ходили к ним, те приходили на их уроки, они обменивались опытом, то есть они учили молодых, как это надо делать. Сейчас зачастую получается, что учитель предоставлен сам себе и варится в собственном соку, а что из этого получится - неизвестно. Может, получится, а может и нет. Всё-таки когда за тобой смотрели, оно было лучше. Вспоминаю, как я попал в школу: каждый урок, каждый урок буквально разбирали, указывали нам все ошибки и так далее, чтобы ты их не повторял в следующий раз. Я помню, у меня был эпизод, мне нужно было дать урок, а мы сначала этот урок давали друг другу, то есть садились студенты, садилась наш методист, и мы рассказывали урок. Значит, я подготовился, вышел, всё рассказал замечательно, думал, сейчас Дина Самуиловна, методист, скажет, какой я молодец, а она мне говорит: «Виктор, вы не готовы к уроку». «Дина Самуиловна, как? Я не готов?! Да посмотрите, я всё сделал, смотрите!» Она говорит: «А Вы на доске написали тему урока?» «На доске - нет, а надо было?» «Надо было. А Вы мел приготовили?» «Нет». «Ну как же Вы готовы к уроку?» Вот даже вплоть до таких нюансов всё было! И я вижу сейчас по молодым учителям, которые приходят, сейчас же необязательно заканчивать педагогический институт, сейчас можно просто закончить какой-то профильный институт, прийти и работать в школе. И вот этой методики, которую нам прививали, которую от нас требовали, вот её очень часто не хватает молодым учителям. По принципу - «Ну я рассказал, ну что вы не поняли-то? Ну всё понятно!» Это не так! И вот тут, конечно, нужна им на определённом этапе определённая помощь. К сожалению, время не очень позволяет заниматься этим, поэтому, хоть я и числюсь методистом, я, к сожалению, пока не могу сказать, что я хорошо выполняю свои обязанности, хотя я понимаю значимость этой работы.

И ещё Вы составляете расписание.

Составляем!

А когда Вы впервые начали составлять расписание?

Очень давно. Я помню, что тогда Юрий Владимирович меня буквально заставил этим заниматься, потому что я не хотел, я понимал, что это адская работа, ещё тогда, когда это было проще и у нас не было этого всего, что вы видите сейчас! Я не хотел, и он жёстко со мной себя повёл, что, по сути, вынудил меня этой работой заняться. Поскольку у меня здесь учились дети, я не мог ему отказать, такой шантаж был небольшой. Помню, когда я жил на Пресне, ко мне приезжала Валентина Анатольевна, которая была до этого завучем, мы с ней сидели вместе и пытались сделать это расписание. То есть, я не просто так пришёл и сразу стал работать, нет, это сейчас у нас есть программа, которая позволяет значительную часть уроков расписать. Да, у тебя остаётся сорок-пятьдесят уроков нерасписанных, и ты их вручную расставляешь. Но это всё-таки не то, что раньше, а раньше каждый урок надо было расписывать. И я очень благодарен Валентине Анатольевне за то, что тогда уделяла мне время, научила меня (я тогда ничего не умел, естественно) тому, как это всё нужно делать. Ну и с тех пор уже больше полутора десятков лет эта работа на наших с супругой плечах: она очень хорошо техническую часть делает, я хуже в этом понимаю. Это большая очень работа, и главное, что она очень неблагодарная, потому что нельзя, чтобы и овцы были целы, и волки были сыты. Когда девяносто человек, а мы слушаем каждого, дают тебе свои пожелания, надо постараться их все удовлетворить, не всегда получается. Люди обижаются, мол, ну как же так, я же Вам писал, а Вы не сделали этого. Я всех уважаю, просто поймите, невозможно сделать всё, так не бывает! Какие-то вещи трудно. Ну, уговариваешь, объясняешь, пытаешься сделать... Тяжёлая работа, неблагодарная, сразу могу сказать, потому как из, там, девяносто человек пять скажут тебе спасибо, остальные будут только возмущаться, что ты не выполнил их требования, не сделал то, что они хотели, и так далее. Это, конечно, грустно, но это тоже надо делать, потому что надо. И что обидно, я всё время говорю, что учитель должен всё-таки руководствоваться интересами детей. Вот сейчас вы видите, какое

у нас расписание (У нашего 10Г в этом году два дня по восемь уроков, об этой проблеме Виктор Михайлович и скажет - прим. ред.), большое количество уроков, восьмые уроки появились, которых раньше у нас никогда не было. А почему они появляются? Зачастую оттого, что ты сделал расписание, где нет этих восьмых уроков, но к тебе приходит твой коллега и говорит: «А вот уберите отсюда и поставьте куда-нибудь». Я говорю: «Подождите, но тогда у детей будет по восемь уроков!» «Ну и что, пусть будет по восемь уроков». Понимаете! И это обидно, потому что получается, что не дети для тебя, а как? Ну так же нельзя! Вот отсюда и многие проблемы. Это обижает, мне, например, очень обидно, что люди так себя ведут, ну что же вы делаете, ребята? Из-за того, чтобы себе иметь лишний свободный день, вы делаете вот такое расписание для детей. Как могу, я пытаюсь людям объяснить, что это нехорошо, что это делать нельзя. К сожалению, пока вот это есть. Не могу сказать, что это массовое явление, но такое есть, жаль.

А почему Вы тогда несёте это тяжкое бремя, почему не отказываетесь?

Наверное, кто-то, может быть, мог бы сделать это даже и лучше, но как-то мы привыкли, и всё-таки... Мне говорят, мол, а что Вы слушаете всё, что Вам пишут, возьмите и сделайте, как Вы считаете нужным. Но я понимаю прекрасно, что, когда люди это говорят, они же говорят не просто так, допустим, просит условно говоря, Татьяна Ильинична не ставить ей первый урок. Почему просит? Не потому что она не может встать, а потому что ей надо внука отвести в детский сад. Надо это учителю? Конечно, надо. Кто-то там ещё какие-то серьёзные основания предъявляет. Обидно, когда другое, когда мне говорят: «Вы не ставьте мне первые уроки, потому что у меня там, понимаете, фитнес или там цигун». Вот это я понимаю - нормально?! Значит, дети будут приходить к третьему уроку и сидеть до девятого, а у меня будет цигун, я там буду, а? Ну что это такое?! Вот это обидно, понимаешь. По крайней мере, стараюсь, я понимаю, что я такого не сделаю никогда. Я всегда постараюсь сделать так, чтобы было как можно лучше для работы, хотя не всегда это удаётся, к сожалению.

ХОББИ И УВЛЕЧЕНИЯ

Нам известно, что одно время Вы играли в спортивные игры. Расскажите, пожалуйста, как это проходило.

Как проходило? Когда-то мы действительно играли и в футбол, и в волейбол, и в бадминтон... Была возможность для этого, а теперь... Вот у меня лично почему нет: потому что порван весь: и руки порваны, здесь железки, так уже особо не поиграешь, лишь в карты и домино. А играли физкультурники наши, Николай Владимирович Лисс ходил, он же из моих, Коля (извините, Николай Владимирович Лисс, это мой ученик, я у него был классным руководителем), я его приобщил к бадминтону, он тоже одно время в той секции занимался, ходил, с ребятами играл, когда я не мог. Просто времени нет, уроки дал, успел какие-то замены назвать - и бегом забирать внука. У меня дочь театральная режиссер, и она находится в театре с утра до ночи практически. Поэтому внук мой на нас с Ольгой Эдуардовной, мы должны как-то всё это сделать, к сожалению, папа у него сейчас работает в другом городе, приезжает, конечно, но на несколько дней приезжает, и всё. Так что на нас ребёнок, и приходится нам достаточно часто сразу после уроков по возможности бежать за внуком и так далее.

Наш предпоследний вопрос: после травм Вы решили завязать со спортом. Чем же Вы сейчас занимаетесь в свободное время?

А где оно, свободное время? У меня его нет! Вот давай так. Значит, я приехал с утра, уже без пятнадцати восемь я был на боевом посту, температуру измерял, дальше - уроки, сейчас я даю вам интервью. Если бы его не было, сейчас поехал, забрал бы внука Фёдора, дальше нужно проверить его уроки, надо его накормить, почитать с ним, поиграть, погулять, всё, вот и весь день прошёл. Что делать - это наш долг, вы - дети, и там ребёнок тоже.

ПОЖЕЛАНИЕ УЧЕНИКАМ

Что бы Вы могли пожелать ученикам?

Сложно. Знаешь, что: если вот так глобально, хотелось бы, чтобы мы с вами были единомышленниками, потому что иногда такое впечатление, что мы по разные стороны баррикад. А на самом деле мы же делаем одну общую задачу: вы пришли сюда получать знания, мы здесь для того, чтобы давать эти знания. Мы делаем одно дело, и мы должны взаимодействовать, а этого взаимодействия зачастую нет, и это обидно. И хотелось бы глобально, чтобы такое взаимодействие было, чтобы мы контактировали с вами и во время уроков, и после уроков, и в поездках, чтобы мы жили одной семьёй. Я вам скажу: первого сентября отвёл внука в школу. Школа в центре Москвы. Она небольшая, не такая, как у нас, там по одному классу в каждой параллели. Что мне очень понравилось: знаете, школа как одна семья. У них есть свой гимн, они его пели все: директор, учителя, родители, дети... Класс! Они выступают, танцуют, поют, и видно, что это единомышленники. Директор, когда дети заходят в школу, представляет каждого учителя, мол, учитель математики у такого-то класса, и всё о нём хорошее, и следующее... Мне так это понравилось, это так здорово. Чувствуется, что это действительно коллектив единомышленников. Я помню, мы стояли, и какая-то женщина вышла из машины и пошла, и они все как заорали. Я думал, какая-то учительница. Нет. Оказывается, это замдиректора ГИТИСа (школа театральная). Обалдеть! Они её так встретили, видно было, что она туда приходит, как к себе домой. Вот это то, что сейчас уходит. Поэтому глобально - чтобы мы были одной семьёй, чтобы мы делали одно общее дело и помогали друг другу: вы - нам, а мы - вам, и тогда, я думаю, нам будет легче работать, и вам легче учиться. Вот так я скажу.

Экипаж интервьюеров выражает благодарность за уделённое внимание.

Экипаж интервьюеров - ученики гуманитарного класса L параллели: Дмитрий Усёинов, Константин Шмаков, Иван Мищенко.